

Научная статья

УДК 343.018

DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-1-58-62

Анализ содержания современного уголовного наказания на основании нравственной теории И. Канта

Сергей Михайлович Воробьев¹, Татьяна Игоревна Егорова²

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

¹sergey.vorobev.78@inbox.ru

²madamti62@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3130-1207

Аннотация. Рассматриваются научные воззрения немецкого философа И. Канта в области нравственного воздействия и их возможная адаптация к современному процессу наказания.

Ключевые слова: государство, общество, наказание, принуждение, осужденный, преступления, нравственность, безопасность

Для цитирования: Воробьев С. М., Егорова Т. И. Анализ содержания современного уголовного наказания на основании нравственной теории И. Канта // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 58–62. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-1-58-62.

Original article

Analysis of the Content of Modern Criminal Punishment Based on the Moral Theory of I. Kant

Sergey M. Vorobyov¹, Tatyana I. Egorova²

Academies of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

¹sergey.vorobev.78@inbox.ru

²madamti62@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3130-1207

Abstract. The article examines the scientific views of the German philosopher I. Kant in the field of moral influence and their possible adaptation to the modern process of punishment.

Keywords: state, society, punishment, coercion, convict, crimes, morality, security

For citation: Vorobyov SM, Egorova TI. Analysis of the Content of Modern Criminal Punishment Based on the Moral Theory of I. Kant. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2024;9(1):58-62. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-1-58-62.

Государственно-правовая доктрина исторически формулировалась исходя из общей пользы общественного взаимодействия, касающегося всех сфер и уровней жизни общества. Идея общего блага согласно основным положениям известного труда «Критика практического разума» (1788 г.) И. Канта соответствует высшим потребностям и способностям человека, выступает движущим началом любого практического действия.

В реальной действительности оказываемое в целях общего блага влияние государства на граждан и общественные институты двояким образом способно отражаться в практической сфере. С одной стороны, оно обеспечивает безопасность личности, общества и самой публичной власти. В то же время в этих целях обладает устрашающими механизмами, способными применять принуждение. Однако и в этих условиях безопасность является неотъемлемым требованием, которое сопутствует всем государственно-правовым явлениям и процессам. Это

обусловлено имеющимися социальными потребностями по обеспечению государства и общества мерами безопасности в целях минимизации преступности и ее проявлений. При этом цели обеспечения безопасности по отношению к государству и обществу могут быть различны.

Особенное место в системе обеспечения безопасности общества занимает уголовно-правовое принуждение, являющееся социальным последствием совершенного преступления и составляющее содержание уголовного наказания. Долг быть привлеченным к уголовной ответственности и отбыть назначенное по приговору суда уголовное наказание за совершение противоправного деяния соответствует юридической обязанности, обеспеченной «возможностью государственного принуждения» [9, с. 28]. В связи с этим категория «долга», используемая И. Кантом, способна «оправдать» применение принуждения наличием обязанности у виновного претерпеть неблагоприятные последствия совершенного преступления. Они выражаются в виде осуждения, отбывания наказания и наличия судимости со всеми вытекающими из них лишениями и ограничениями прав и свобод личности. Категория «долга» является своеобразным проводником реализации принуждения и отражает социальную оценку преступного деяния, степень общественного порицания преступника и его поведения посредством функционирования системы государственных мер принуждения, обличенных в ранг уголовных наказаний.

Примечательно убеждение И. Канта, высказанное в его книге «Основы метафизики нравственности» (1785 г.) о том, что существуют требования всеобщего законодательства. Они основываются на индивидуальной абстрактной потребности, существовании достоинства «разумного существа, повинующегося только тому закону, какой оно в то же время само себе дает» [5, с. 31]. Действующий в этом смысле категорический императив основывается на нравственном восприятии и стремлении к достижению всеобщего блага, под которым, безусловно, возможно рассматривать уголовно-правовое принуждение. Его правовое закрепление общественно непосредственно связано принципом верховенства закона [7, с. 17]. Несмотря на то, что государство, действуя на благо обществу, не должно заставлять граждан действовать подобным образом, однако для всеобщего спокойствия следует «пресекать частные цели, мешающие всем остальным» [1, с. 23].

Несовершенство реализации на практике «принципа взаимной ответственности государства и личности и преимущество прав и свобод личности» [6, с. 57] определяют значимость нравственной абсолютизации содержания и предназначения наказания. Так, применительно к лишению свободы изоляция человека в условиях исправительного учреждения

конкретного вида на определенный срок основывается на эмоциональных потребностях как самого виновного, ответственного за нарушение уголовного закона и раскаивающегося в содеянном, так и чувствах потерпевшего, вызывающих к справедливому воздаянию за причиненный ему вред. В этом смысле уголовный закон соответствует природе вещей, является необходимым объективным выражением естественных законов, не исключая несовершенства «воли того или другого разумного существа, например воли человека» [5, с. 78]. Нравственное восприятие преступления, наступивших преступных последствий, наказания имеет субъективный характер, учитывающий в себе осознание всего преступного механизма.

Субъективный характер нравственного восприятия будет различным по отношению к преступнику, осужденному и потерпевшему и отразит в себе индивидуальные особенности носителей специальных правовых статусов. Следует иметь в виду, что носителями данного статуса является личность. Соответственно, имеющийся личностный потенциал развития индивида будет непосредственно раскрывать в себе духовно-нравственные начала, служащие основой для нравственной оценки процесса принуждения и самого наказания. Результативность нравственного восприятия будет способствовать раскаянию преступника из-за постпреступного социального и принудительного воздействия, усилит эффективность процесса исправления осужденных. Несмотря на совершение преступления, в самом виновном не перестает действовать нравственный закон. Как справедливо отмечал И. Кант, возвышенный характер и внутреннее достоинство веления долга могут даже более полно раскрываться при отсутствии субъективных причин и даже противопоставлении их. Именно поэтому осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, не могут в какой-либо степени быть подвергнуты пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим их достоинство обращению и наказанию, так как это лишило бы законодательство и само уголовно-правовое принуждение нравственной силы и этических начал.

Одним из актуальных направлений развития правоприменительной практики, воплощающих идеи И. Канта о нравственном восприятии, являются предложения Президента Российской Федерации о выработке мер по повышению эффективности расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с пытками и истязаниями лиц, находящихся в местах лишения свободы. В частности, данное предложение было утверждено президентом в перечне поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 4 декабря 2023 г. В п. 10 поручения сказано: «Следственному комитету

Российской Федерации принять меры по повышению эффективности расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с пытками и истязаниями лиц, находящихся в местах лишения свободы, в том числе путем передачи дел о таких преступлениях для осуществления предварительного следствия в главные следственные управления и следственные управления по субъектам Российской Федерации или центральный аппарат»¹.

Как представляется, данные меры будут направлены на обеспечение действия положений Федерального закона от 14.07.2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»². Этот закон призван ужесточить уголовную ответственность за пытки. С учетом этого в ст. 286 УК РФ устанавливаются пределы повышения уголовной ответственности за совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, с применением пытки. Срок наказания в виде лишения свободы за указанное деяние увеличен с 10 до 12 лет. В случае, если это деяние повлекло по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью, виновным лицам может быть назначено наказание в виде лишения свободы до 15 лет. Кроме того, отягчающими наказание обстоятельствами по ст. 286 УК РФ признается совершение преступлений группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в отношении несовершеннолетнего, из корыстной или иной личной заинтересованности. Также статья была дополнена примечанием, в котором понятие пытки сформулировано в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

Этическая ценность уголовного наказания соответствует целям, которые преследует его назначение: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В то же время ч. 2 ст. 7 УК РФ закрепляет ограничение на включение в содержание целей государственно-правового принуждения таких элементов, как причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 18.01.2024).

² Подписан закон, направленный на усиление уголовной ответственности за пытки. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/68950> (дата обращения: 18.01.2024).

С практической точки зрения потребность в безопасности человека соответствует высшей ценности жизни, которая абсолютна, так как ограничена пространственно-временными рамками. Протяженность временного интервала от рождения до смерти, ограниченность места нахождения физиологическими потребностями — всё это придает жизни особую хрупкость и уязвимость, определяя особую ее ценность. Так, наказание в виде лишения свободы является некоторым эквивалентом между нарушенным охраняемым законом благом и свободой виновного, который лишается ее на определенный судом период в интересах всеобщего блага, достижения целей наказания. Жизнь и свободы, ограниченные рамками уголовно-правового принуждения, не утрачивают значение абсолютной ценности, которая обеспечивается посредством личной безопасности осужденных в местах лишения свободы. В связи с этим ст. 13 УИК РФ особо гарантирует данное право.

Безопасность при реализации наказания в виде лишения свободы не оценивается с позиции относительности условий изоляции, требований порядка исполнения и отбывания наказания. Напротив, данные обстоятельства должны учитывать абсолютную ценность жизни, которая протекает в рамках условий, ограниченных режимными требованиями исправительного учреждения. Гарантирование безопасности не связано с характеристиками преступления, иерархией ценностей психофизического здоровья, личной неприкосновенности или социально-правовой защищенности.

Вместе с тем помещение осужденного в условия изоляции, безусловно, актуализирует потребность нравственного обоснования справедливости уголовно-правового принуждения, поддерживающего законность, основанную на праве и нравственности. Именно И. Кант «впервые определил пределы (ограничения) применения мер принуждения, противопоставив принуждение насилию (несправедливому принуждению)» [11, с. 13], возвысив «право из мерзости окружающего его бесправия и вознести над государством» [8, с. 9].

Справедливость реализации наказания выходит на первое место, становится ведущей, начинает определять мотивацию участия тюремного контингента в исправительном процессе, усиливая и подкрепляя ее. Специфические особенности жизнедеятельности в период исполнения и отбывания наказания, воздействие депривации способствуют трансформации базовых потребностей личности, формированию особых психических явлений, изменению психологических характеристик личности. Как отмечают многие исследователи, лишение свободы и строгая регламентация жизни осужденных требуют конкретизации условий жизни, позволяющих мобилизовать

ресурсы организма человека в чрезвычайных обстоятельствах [3, с. 209; 4, с. 282].

Несмотря на то, что государственно-правовое принуждение и осужденный занимают разные места в онтологической структуре бытия, но в аксиологической позиции они равнозначны, будучи субъективными и объективными благами. Следует согласиться, что особенности эти становятся очевидны, «если мы будем понимать государство не механистически, а рассматривать его как выражение высшей нравственной идеи» [10, с. 188]. Отраженная в Конституции Российской Федерации идея равноценности интересов личности, общества и государства составляет фундамент национальной правовой системы. В этом смысле ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации согласуется с ч. 1 ст. 2 УК РФ, провозглашающей охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Уголовное законодательство традиционно выступает в качестве законодательного акта, адекватно отражающего ценность наиболее важных социальных благ, обладающих высшим нравственным смыслом, находящихся в основе российской государственности и связанных с действием конституционных положений в объективной действительности.

Фундамент уголовно-правовых реформ последних лет составляет заложенный в правовой культуре населения России гуманистический потенциал права. Составляя всеобщую национальную ценность, основывающуюся на исторической памяти и пре-

емственности поколений, государственная деятельность воспринимается через призму личной, общественной и государственной пользы. Существенное значение имеет национальная культура, которая выступает символом позитивного в развитии человечества. Выраженная в государственной, в том числе в уголовно-правовой политике, культура в истории общественной мысли выступает по И. Канту «сферой безусловной моральности» [2, с. 54].

Среди особых гуманистических ценностей выступают осужденные, которые находятся в местах лишения свободы. Они существенным образом ограничены в правах и свободах. Милосердное отношение к людям, несчастным и обездоленным, нуждающимся в благотворительной помощи, традиционно для народов Российской Федерации. Особенно сострадательное отношение проявляется к несовершеннолетним преступникам, осужденным беременным женщинам и инвалидам. Современные изменения и дополнения уголовного законодательства учитывают данные социальные потребности, усиливая основания досрочного освобождения от наказания и предоставления отсрочки его отбывания.

В государстве, в котором преобладают социальный консенсус и доверие, личные, общественные и государственные интересы совпадают. Субъективное благополучие воспринимается в качестве абсолютного блага в рамках объективного благополучия личности, общества и государства. В рассматриваемом контексте уголовный закон и уголовно-правовое принуждение становятся одной из важнейших ценностей личности и общества, а безопасность при реализации наказания воспринимается как безусловная ценность.

Список источников

1. Беляева О. М. Политико-правовые воззрения И. Канта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 23–28.
2. Бороноева Н. А., Резлер В. М. Безопасность человека как способ реализации личности (философско-культурологический аспект) // Известия Международной академии аграрного образования. 2016. № 31. С. 53–57.
3. Власенко А. И. Особенности терминальных ценностей и временной перспективы личности в условиях пространственно-временной депривации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 208–212.
4. Калинин А. А. Базовые ценности лиц в условиях социальной депривации // Казанская наука. 2013. № 12. С. 282–285.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. 3-е изд., стер. СПб., 2007. 528 с.
6. Лукоянов А. А. Принцип взаимной ответственности государства и личности во взаимоотношениях прав и свобод человека и гражданина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 4, № 4. С. 56–58.
7. Натуев В. Е. Содержание понятия «правовое государство» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 2, № 2. С. 15–19.
8. Пучнин А. С. Принуждение и право : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999. 27 с.
9. Сабитова Е. Ю. Понятие, признаки и виды налоговой ответственности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6, № 3. С. 28–33.
10. Сальников В. П., Масленников Д. В., Жук А. С. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей)

// Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 186–192.

11. Чернова Л. С. Государственно-правовое принуждение: генезис и современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 193 с.

References

1. Belyaeva OM. Political and legal views of I. Kant. *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2014;(1):23-28. (In Russ.).
2. Boronoeva NA, Rezler VM. Human security as a way of realizing personality (philosophical and cultural aspect). *Proceedings of the International Academy of Agrarian Education*. 2016;(31):53-57. (In Russ.).
3. Vlasenko AI. Features of terminal values and the temporal perspective of personality in conditions of spatial and temporal deprivation. *Historical and socio-educational thought*. 2014;(2):208-212. (In Russ.).
4. Kalinenko AA. Basic values of persons in conditions of social deprivation. *Kazan science*. 2013;(12):282-285. (In Russ.).
5. Kant I. *Fundamentals of the metaphysics of morality*. St. Petersburg; 2007. 528 p. (In Russ.).
6. Lukoyanov AA. The principle of mutual responsibility of the state and the individual in the relationship of human and civil rights and freedoms. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2019;(4):56-58. (In Russ.).
7. Natuev VE. The content of the concept of “the rule of law”. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2017;(2):15-19. (In Russ.).
8. Puchnin AS. *Coercion and law*. Tambov; 1999. 27 p. (In Russ.).
9. Sabitova EY. The concept, signs and types of tax liability. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2021;(6):28-33. (In Russ.).
10. Salnikov VP, Maslennikov DV, Zhuk AS. The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (on the issue of the problem of equality of absolute values). *Legal science: history and modernity*. 2022;(12):186-192. (In Russ.).
11. Chernova LS. *State-legal coercion: genesis and current state*. Moscow; 2023. 193 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С. М. Воробьев — доктор юридических наук, доцент профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права.

Т. И. Егорова — кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры уголовного права Академии ФСИН России.

Information about the authors

S. M. Vorobyov — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law.

T. I. Egorova — Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 02.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 02.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.